что Чайковскаго, котораго называли «товарищемъ», онъ видѣлъ на конференціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ, происходившей 1 и 2-го сентября 1906 года подъ городомъ Курскомъ, а Брешко-Брешковскую, подъ кличкой «бабушка», онъ встрѣтилъ 3-го октября того же 1906 года также на конференціи партіи соціалистовъ революціонеровъ; эта конференція была въ лѣсу, между Курскомъ и мѣстечкомъ «Сапогово». Впослѣдствіи Каменевъ узналъ, что Чайковскій и Брешко-Брешковская присутствовали на конференціяхъ по порученію Центральнаго Комитета партіи. Самъ же онъ обратилъ вниманіе на то, что оба эти лица, слушая доклады делегатовъ конференціи, все что-то записывали, а иногда вносили въ доклады и свои поправки.

При личномъ затѣмъ предъявленіи Чайковскаго и Брешко Брешковской Каменеву, свидѣтель заявилъ, что въ предъявленномъ ему мужчинѣ есть сходство съ тѣмъ, котораго онъ видѣлъ 1-го или 2-го сентября 1906 года въ мѣстечкѣ Сапогово: одинаковый ростъ и схожія черты лица, но волосы и борода у присутствовавшаго на конференціи были короче, а борода имѣла меньше сѣдины, въ виду чего и выразилъ сомнѣніе въ тождественности этихъ лицъ: въ Брешко-Брешковской же призналъ бывшую на конференціи «бабушку».

Изъ протокола предъявленія видно, что Чайковскій въ моментъ оказанія его Каменеву имѣлъ длинную, совершенно сѣдую, до груди бороду и длинные до плечъ волосы, чего у него не было при его задержаніи, и что дѣлало его не вполнѣ похожимъ на снятую съ него тогда фотографическую карточку.

Свидѣтель Никифоръ Патеюкъ удостовѣрилъ, что осенью 1906 года онъ жилъ одно время въ одной комнатѣ съ Федоромъ Королевымъ, который являлся членомъ С.-Петербургскаго Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ и завѣдовалъ центральнымъ партійнымъ раіономъ въ С.-Петербургѣ. Самъ же Патеюкъ въ то время состоялъ въ боевой дружинѣ той-же партіи, а завѣдующій дружиной былъ Валентинъ Колосовскій. Съ послѣднимъ по дѣламъ дружины Патеюкъ встрѣчался въ пріемной Электротехническаго Института, гдѣ было очень удобно видѣться, и куда имѣли свободный доступъ всѣ партійные дѣятели, такъ какъ тамъ, въ виду общаго революціоннаго настроенія студенчества, никто посѣтителей не опрашивалъ, а сторожа даже предупреждали, если собраніямъ или отдѣльнымъ лицамъ грозила какая либо опасность. Въ серединѣ октября или въ началѣ ноября 1906 года Патеюку надо было явиться къ 3-мъ часамъ дня въ Электротехническій Институтъ для полученія отъ Колоссовскаго для дружинниковъ револьверовъ Маузера и Парабеллума. Вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Институтъ и Королевъ, для этого случая принарядившійся. На вопросъ Патеюка, зачѣмъ онъ туда ѣдетъ въ такомъ парадѣ, Королевъ отвѣтилъ ему: «буду видѣться съ генераломъ», а на удивленіе Патеюка «съ какимъ такимъ генераломъ», Королевъ пояснилъ, что «это иначе сказать одинъ изъ главарей партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Пріѣхавъ въ Институтъ, они прошли въ пріемную, гдѣ былъ уже Колоссовскій, разговаривавшій съ Михаиломъ Латкинымъ, начальникомъ «Сѣверо-Западнаго Летучаго Отряда партіи соціалистовъ-революціонеровъ». Поздоровавшись съ ними, Патеюкъ сталъ говорить съ Колоссовскимъ. Въ это время въ пріемную, черезъ входную дверь отъ швейцарской, вошелъ Чайковскій, котораго раньше Патеюкъ никогда не видѣлъ. При видѣ Чайковскаго Латкинъ и Королевъ направились къ нему, и недалеко отъ Патеюка между ними тремя завязалась о чемъ то оживленная бесѣда, продолжавшаяся минутъ 25. Возвращаясь затѣмъ домой съ Королевымъ, Патеюкъ у него спросилъ, о чемъ у нихъ троихъ шелъ разговоръ, и Королевъ, не называя Чайковскаго, сказалъ, что онъ давалъ «старику» отчетъ о ходѣ партійной работы. Во второй разъ Патеюкъ увидѣлъ Чайковскаго въ концѣ ноября того же 1906 года, на собраніи «летучаго боевого отряда Сѣверо-Западной Области партіи соціалистовъ-революціонеровъ», происходившемъ въ одной изъ аудиторій курсовъ Лѣсгафта. Въ это время Патеюкъ завѣдывалъ одной изъ группъ «Сѣвернаго боевого летучаго отряда». Входъ на собраніе былъ по билетамъ, отбиравшимися при входѣ. Предсѣдателемъ собранія являлся Латкинъ. На собраніи были заслушаны два доклада, изъ коихъ одинъ былъ сдѣланъ Чайковскимъ, выступавшимъ первымъ. Въ рѣчи своей Чайковскій доказывалъ необходимость усиленія террора и партизанской войны, сущность которой заключалась въ экспропріаціи казенныхъ суммъ и нападеніи на агентовъ правительства. Говорилъ, что усиливъ терроръ и начавъ партизанскую войну, можно въ концѣ концовъ вызвать вооруженное возстаніе. Предостерегалъ отъ ошибокъ Московскаго, Кронштадтскаго и Свеаборгскаго возстаній и выражалъ надежду на конечный успѣхъ революціи. Второй докладъ являлся дополненіемъ къ сказанному Чайковскимъ. Послѣ этихъ двухъ рѣчей состоялось общее рѣшеніе усилить терроръ и начать партизанскую войну. Какъ потомъ Патеюкъ узналъ, эта резолюція была подтверждена на съѣздѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ Финляндіи.

По свидѣтельству Патеюка Брешко-Брешковскую онъ также встрѣчалъ въ С.-Петербургѣ осенью того же 1906 года. Въ началѣ этой осени онъ былъ вечеромъ на одномъ собраніи въ аудиторіи Военно-Медицинской академіи на Выборгской сторонѣ. Входъ былъ по билетамъ для членовъ революціонныхъ партій, безъ различія, какой именно. Были соціалисты-революціонеры, соціалъ-демократы и анархисты. Въ первомъ ряду сидѣла Брешко-Брешковская, которую Патеюкъ раньше не зналъ. Въ собраніи было сдѣлано сообщеніе о значеніи произведеній Михайловскаго въ русской революціи. Въ концѣ ноября того же 1906 года, за нѣсколько дней до собранія «летучаго боевого отряда Сѣверо-Западной области», Патеюкъ присутствовалъ въ помѣщеніи курсовъ Лесгафта на строго партійномъ, исключительно для членовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, собраніи. На этомъ засѣданіи была и Брешко-Брешковская. Въ собраніи обсуждалось положеніе, занятое партіей въ то время, и было единогласно вынесено рѣшеніе: «усилить партійную дѣятельность и участить террористическіе акты».

Больше Патеюкъ ни Чайковскаго ни Брешковской не встрѣчалъ. Самъ онъ вскорѣ послѣ этого, изъ-за несогласій съ Латкинымъ, вышелъ изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и примкнулъ къ террористическимъ экспропріаторамъ.

Свидѣтель Мининъ показалъ, что въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ онъ былъ техникомъ С.-Петербургскаго Комитета, и занимался развозкой партійной литературы по раіонамъ, благодаря чему у него въ партіи было много связей и знакомствъ. Съ членами Центральнаго Комитета партіи у Минина общенія не имѣлось. Съ ними сносился Петербургскій Комитетъ, какъ съ высшей партійной инстанціей. Но такъ какъ членовъ Центральнаго Комитета не много, и въ большинствѣ это лица, имѣющія громкое революціонное прошлое, то ихъ въ партіи, почти всѣхъ, всѣ знаютъ. Вотъ почему и Минину было извѣстно, что Чайковскій и Брешковская, «извѣстные семидесятники, заявившіе себя своей выдающейся работой въ цѣляхъ партіи», принадлежали къ числу членовъ Центральнаго Комитета, и что Чайковскій занимался заграницей сборами пожертвованій въ пользу партіи, устраивая тамъ чтенія, лекціи и митинги, и посвящая ихъ революціоннымъ вопросамъ и исторіи революціоннаго движенія. Кромѣ того, со словъ членовъ партіи, Мининъ зналъ, что Брешко-Брешковская играла большую роль въ крестьянскихъ партійныхъ организаціяхъ, что Чайковскій больше проживалъ заграницей, а Брешко-Брешковская въ Россіи, и что оба они по партійнымъ дѣламъ наѣз-

ТОВАРИЩИ! ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТЪ ДАЧИ ПОКАЗАНІЙ!